

Гу Сяодун проспал всю ночь сладко и крепко, без задних ног. Утром привычка заставила его открыть глаза точно в срок — в шесть часов, на исходе часа Зайца. Вот только стоило подняться, как голова предательски закружилась. Сяодун тряхнул головой, и память неохотно вернула вчерашнее: ну конечно, они же пили.

Фэнъэнь поднялся загодя и теперь покорно ждал в стороне. Сяодун торопливо спустил ноги с постели и подошел к нему:

— Фэнъэнь, это ты вчера забрал меня?

— Вас принес молодой господин Гэ, — с мягкой улыбкой ответил Фэнъэнь. — Да и молодой господин Гуань его сопровождал.

Сяодун, склонившись над тазом с водой, удивленно замер:

— Надо же... А они, оказывается, славные ребята.

Фэнъэнь лишь тихонько усмехнулся про себя. Он не стал уточнять, что Гэ Дунчэнь притащил его на собственной спине, а Гуань Юньцзи всю дорогу сверлил его яростным взглядом. Обстановка между ними была настолько натянутой, что воздух едва не звенел от напряжения. И только Сяодун, мирно уткнувшись в плечо Гэ Дунчэня и беззаботно свесив ноги, сладко спал, не ведая о разыгравшейся буре.

Ничего этого Сяодун, конечно, не помнил. Быстро приведя себя в порядок, он принялся рассказывать о вчерашнем нападении:

— Когда ты вчера помогал мне раздеваться, не находил черный холщовый мешок? Те негодяи набросили его мне на голову.

Фэнъэнь покачал головой:

— Вчера господин Гэ вкратце рассказал об этом. Мешок остался у него. Он пообещал, что непременно добьется для вас справедливости.

Сяодун озадаченно нахмурился:

— Зачем утруждать его? Я хотел разобраться со всем сам.

— И как же вы намеревались поступить?

— Вытащить их на белый свет, прилюдно спросить, за что побили, и потребовать от

наставников справедливости, — Сяодун потер затекшую шею, перехватил длинные, до середины спины, волосы и привычным движением связал их повыше. — Одно дело, когда они строили козни в классе или на тренировочном поле — там еще можно списать на соперничество в учебе. Но вчера я просто шел своей дорогой! Напасть без всякой причины — это уже ни в какие ворота не лезет!

— Вы в академии уже три месяца, — вздохнул Фэнъэнь, подходя ближе, чтобы помочь одеться.
— Неужели до сих пор не уразумели здешних порядков?

— Каких еще порядков?

— В людском скопище принято превозносить сильных и нещадно топтать слабых. Ваше место — на самой последней парте. И пока вы остаетесь на самом дне этой иерархии, никого не будет волновать, на чьей стороне правда. Издевательства не прекратятся сами собой.

Сяодун невольно вспомнил разговор с Чжан Дэнцином, когда только-только попал в дом семьи Гу. Тот толковал ему в точности о тех же законах благородного общества.

Дэнцин просил его беречь себя. Что же он тогда ответил?

«Приспосабливаться к обстоятельствам, но не терять лица. Не навлекать на себя гнев сильных, но и не искать забавы в унижении слабых. Не пресмыкаться перед высшими, но и не помыкать низшими».

Сяодун посмотрел на слугу:

— И что же ты мне посоветуешь?

Фэнъэнь наклонился, бережно продевая в его мочку свежую нефритовую сережку:

— У вас два пути. Первый: отыскать на задних рядах кого-то еще более робкого и заставить его занять ваше место на дне, чтобы все удары доставались ему. Второй: присмотреться к первым рядам, выбрать достойного покровителя из числа вельмож и укрыться под сенью его величия.

Сережка встала на место. Сяодун промолчал. Фэнъэнь подал свежее ученическое платье:

— Вам еще долго учиться в этих стенах, отсидеться в стороне не выйдет. Вчерашнее нападение — лишь первая ласточка, игра становится жестче. Молодой господин Гэ помог вам однажды, но глупо надеяться, что он станет вашим вечным щитом.

Заметив, как Сяодун упрямо забирает у него платье, накидывает его на плечи и сам затягивает пояс, Фэнъэнь негромко хмыкнул:

— Мои речи прились вам не по нраву, молодой господин. Что ж, я умолкаю. Только не копите обиду в себе, если захотите сорвать злость — я всегда к вашим услугам.

Сяодун покачал головой. Какое-то время он пристально глядел на слугу, чувствуя, как к горлу подступает горький ком:

— Фэнъэнь... все это ты говоришь по собственному опыту?

Улыбка на мгновение застыла на лице Фэнъэня, веки едва заметно вздрогнули. Склонившись так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, он тихо проговорил:

— Именно так. Вы ведь знаете, молодой господин, где мы с Фэнхуанем провели детство. В публичных домах Чанло эти законы выжжены на каждом углу. Гордецы там долго не живут — их забивают до смерти. Те же, кто готов пресмыкаться на коленях, превращаются в сор под ногами, который выбрасывают без капли жалости.

— Нужно ювелирно рассчитывать каждый шаг, балансируя между падением и восхождением. Мы с Фэнхуанем вымеряли эти крупницы выживания день за днем. Шли годы. Те, кто был рядом, гибли или сходили с ума один за другим. В живых остались только мы двое. А потом пришла княгиня и забрала нас оттуда.

— Поверьте, молодой господин, между академией и борделем разницы куда меньше, чем вам кажется. Да и стены этого заведения не сильно отделяют здешние нравы от того, что творится в большом мире.

Глядя на красивое, утонченное лицо Сяодуна, Фэнъэнь мягко добавил:

— Иногда приходится чем-то поступиться, чтобы обрести желаемое. Стоит вам только захотеть, и весь мир падет к вашим ногам.

Сяодун молча выслушал его исповедь. Не найдя, что ответить, он отвел взгляд и принялся оглядывать комнату в поисках пропажи:

— Погоди-ка. Вчера Цзиньюй подарил мне шпильку. Где она?

Фэнъэнь со вздохом выпрямился:

— Я убрал ее подальше. Это непростая вещица. Четвертый молодой господин надевал ее лишь на самые важные торжества. Она слишком бросается в глаза, вам не стоит ее носить.

— Я просто хочу взглянуть, а не вплетать в волосы.

Фэнъэнь принес шкатулку, обтянутую узорчатым шелком.

«Даже если бы и захотел — не смог бы»

Эта шпилька из черного нефрита была императорской наградой, полученной Гу Цзиньюем. Его жест был безмолвным, но красноречивым обещанием: надень украшение, покажи всем его покровительство, и никто в академии больше не посмеет встать у тебя на пути.

Вот только если бы княгиня Ань Жои желала ему такой судьбы, она бы не отправила Сяодуна в частную школу. Проще было запереть его в поместье под крылом семьи Гу и вырастить беззаботного бездельника.

Его прислали сюда, чтобы он научился думать своей головой.

Сяодун бережно вынул шпильку из шкатулки, долго и пристально рассматривал тонкую работу, а потом со вздохом уложил обратно:

— Слишком дорогая вещь, не для меня. Вчера я так и не успел отблагодарить его подарком. Интересно, когда мы теперь увидимся?

О наставлениях слуги он так больше и не вспомнил — или сделал вид, что забыл.

Позавтракав, Сяодун уже собрался выйти в сопровождении книгоноши, как Фэнъэнь остановил его и прикрепил к его поясу поясную подвеску смирения. Слуга строго заметил, что после вчерашнего nepотpeбствa молодому господину не помешает поумерить пыл и следить за каждым своим шагом, как и подобает благородному юноше.

Сяодун смешно сморщил нос, но спорить не стал. Пришлось умерить шаг и ступать плавно, чтобы висящие у бедра нефритовые пластинки не звенели слишком громко при каждом движении.

Стоило ему переступить порог классной комнаты и занять свое место, как он обнаружил на столе небольшую стопку писем. Сяодун развернул их: аккуратные строчки пестрели слезными и крайне вежливыми извинениями от вчерашних обидчиков.

Он удивленно округлил глаза и посмотрел на передние ряды. Действительно, на второй и третьей партах сидели несколько юнцов с наглухо перебинтованными головами — судя по всему, этой ночью кто-то приложил к ним тяжелый кулак.

В этот момент через передние двери вошли Гэ Дунчэнь и Гуань Юньцзи. Первый, как обычно, приветливо улыбался и непринужденно перекидывался словечками с приятелями с первого ряда. А вот Юньцзи выглядел скверно: бледное лицо, позеленевший от недосыпа взгляд — явно провел бурную бессонную ночь.

Оба они как бы невзначай скользнули взглядами по последней парте.

Сяодуну все это показалось жутко запутанным и обременительным. Усевшись на место, он придержал пальцами звенящую подвеску и мысленно отмахнулся от лишних дум. К черту интриги! Сейчас начнется урок, наставник вот-вот войдет, а учеба — превыше всего.

Выкидывая из головы негласные правила академии, он решительно изорвал извинения на мелкие кусочки и швырнул их в корзину для мусора — благо, та стояла прямо у его ног.

Вскоре в класс вошел учитель. Помимо прославленных ученых мужей, лекции в академии читали престарелые государственные мужи, ушедшие на покой со службы во дворце семьи Гу. Сегодняшний гость — сухощавый старец с цепким, живым взглядом — не стал утомлять учеников чтением канонов. Едва переступив порог, он объявил:

— Дорогие ученики, сегодня у нас есть и время, и наглядный пример, чтобы подробно разобрать Четыре Великих Указа государства Цзинь, определяющих нашу жизнь вот уже сотню лет.

Сяодун впервые слышал о подобных законах, а потому поспешно раскрыл тетрадь и приготовился записывать каждое слово.

— Для начала вспомним о тех, кто даровал нам эти указы. Они были составлены сто лет назад императором Сюйгуаном и его супругом, императрицей Львиное Сердце. Кто-нибудь из вас, хотя бы поверхностно знакомый с историей, помнит их деяния?

При этих словах Сяодун так и подался вперед. В бытность свою простым бродяжкой он обожал слушать уличных сказителей и зачитываться дешевыми книжонками, сюжеты которых то и дело черпались из легенд об этой паре. Век назад император Гао Ли, правивший под девизом Сюйгуан, в седьмой день седьмого месяца возвел на престол первого в истории мужчину-соправителя. Им стал Се Ци, получивший титул «Львиное Сердце» — имя, которое император придумал лично.

Говорили, что их любовь была столь крепка и безгранична, что не имела равных во веки веков.

Сяодун охотно верил в эти предания. В конце концов, нужно было испытывать к человеку поистине безумную любовь, чтобы принять от него титул «Львиное Сердце»... Ведь на столичном наречии это созвучно выражению «лишившийся рассудка»! Кому захочется войти в анналы истории под столь сомнительным именем, если за этим не стояла великая страсть?

Представив эту историческую нелепость, Сяодун едва сдержал смешок.

Он поспешно зажал рот ладонью, как вдруг задняя дверь класса тихонько приотворилась. Чья-то тень бесшумно скользнула внутрь и легонько коснулась плеча его книгоноши. Мальчишка

оказался не из пугливых: не издав ни звука, он почтительно поклонился незваному гостю и боком выскользнул в коридор, уступая свое место.

Этим гостем был Гу Цзиньюй.

Сяодун ошеломленно уставился на него. Цзиньюй спокойно подобрал полы одеяний и опустился на стул книгоноши. На миг показалось, что это лишь плод утомленного разума. Еще утром Сяодун гадал, когда свидится с ним вновь, а теперь тот сидел рядом — протяни руку и коснешься.

Цзиньюй вошел так тихо, а их парты стояли так глубоко на задворках класса, что никто из двадцати пяти отпрысков знатных родов даже не заметил появления высокопоставленного гостя.

На Цзиньюе было темно-алое с черным облачение, перехваченное золотым поясом. Волосы, как и вчера, были собраны в высокий хвост. Без тени улыбки его лицо казалось холодным, точно лезвие клинка, только что вынутого из ледяной проруби.

Повернув голову, он приложил палец к губам, призывая Сяодуна к молчанию. Очевидно, глуповатый и потрясенный вид кузена позабавил его: уголки губ Цзиньюя дрогнули в едва заметной улыбке, и весь его суровый облик мгновенно смягчился.

Сяодун наконец опомнился. Переполняемый восторгом, он потянулся было ухватить брата за рукав, но на Цзиньюе была узкая походная куртка с плотными наручами. Сяодуну пришлось довольствоваться краем его пояса.

— Ты как здесь оказался? — беззвучно, одними губами спросил он.

Цзиньюй не ответил, лишь молча смотрел на него теплыми глазами.

Тем временем у доски старый учитель продолжал вещать с великим воодушевлением:

— Четыре Великих Указа, дарованных нам предками, гласят следующее. Первый запрещает продажу и курение табака. Второй налагает строжайшее табу на создание и перевозку пушек Покорителя Армий. Третий утверждает равенство мужчин и женщин. Четвертый же карает за вражду между народами и племенами.

Услышав последние слова, Сяодун невольно покосился на сидевшего впереди Гэ Дунчэня. На ум сама собой пришла странная мысль о его необычных изумрудных глазах, замеченных вчера под лунным светом.

— Эти указы определяют законы империи и по сей день. Если последние два понятны каждому без лишних слов, то первые заслуживают особого разбора. К счастью, сегодня среди нас

присутствует тот, кто лицом к лицу столкнулся с нарушением этих запретов. Его рассказ послужит нам лучшим уроком.

Старик добродушно погладил седую бороду и указал рукой в конец зала:

— Гу Цзиньюй, прошу тебя, поведай нам об этом подробнее.

Все ученики разом обернулись. По рядам пронесся изумленный гул — никто не ожидал увидеть здесь грозного молодого господина.

Цзиньюй даже не подумал встать со своего скромного места на галерке. Он лишь вежливо сложил руки в приветствии, обращаясь к наставнику:

— Кафедра принадлежит учителю. Позвольте мне говорить отсюда.

Учитель благосклонно кивнул в знак согласия. Класс развернулся вполоборота, устремив все внимание на заднюю парту. Разумеется, под этот перекрестный огонь взглядов попал и притихший Сяодун.

Даже Гуань Юньцзи, считавший себя приятелем Цзиньюя, уязвленно размышлял:

«Что этот глупый мальчишка сделал, раз сам Гу Цзиньюй уселся подле него?»

Под прицелом десятков глаз Сяодун почувствовал себя крайне неудобно. Он поспешно отпустил чужой пояс и напустил на себя самый серьезный вид, уставившись перед собой.

Цзиньюй мимолетно взглянул на него, после чего обратился к классу с приветствием:

— Для меня большая честь делить с вами эту обитель знаний. Если мои речи покажутся кому-то несовершенными, прошу отнестись к ним со снисхождением.

Ученики дружно поклонились в ответ, и лишь несколько знатных повес с первого ряда панибратски помахали ему ладонями.

Не меняя позы, Цзиньюй начал свой неспешный рассказ. Последние три месяца он провел в действующей армии на дальних границах, и теперь его повествование увлекло весь класс.

— Мой путь лежал на юго-запад, в область Цанчжоу, — ровным, чистым голосом заговорил Цзиньюй. — Едва прибыв на место, мы столкнулись с бандой разбойников. Причиной раздора послужило как раз нарушение первых двух указов. Злоумышленники тайно ввозили табак и пытались переправить через границу запрещенные материалы для отливки пушек Покорителя

Армий. Когда военный патруль перехватил контрабанду, завязался кровопролитный бой.

Сяодун сидел совсем рядом. Хотя голос кузена звучал ровно и безучастно, от его слов у юноши мурашки бежали по коже. Он заворуженно смотрел на укороченный хвост Цзиньюя, едва достигающий шеи.

«Наверное, во время схватки вражеский клинок прошел совсем близко... Срезал заколку и снес половину волос»

Сяодун торопливо записывал все в тетрадь. Вчера они перекинулись лишь парой фраз, но сейчас, слушая долгую речь брата, он уловил, как изменился его голос. Тот стал более глубоким, прохладным, с едва заметной хрипотцой. Этот звук ласкал слух, словно мягкое перо Догоревшего фитиля, заставляя сердце биться чуточку быстрее.

— Помните, — продолжал Цзиньюй, описывая пагубное влияние контрабандного зелья. — Законы Цзинь непреклонны. Любой чиновник, замеченный в пристрастии к табаку, карается нещадно. В лучшем случае его ждет позорное лишение чина. В худшем — тюремные застенки для него самого и его родных до третьего колена.

Сидевший впереди Гуань Юньцзи внезапно зябко передернул плечами.

Рассказ длился долго. Закончив свое повествование, Цзиньюй вновь вежливо поклонился присутствующим:

— Великие Указы — основа нашего государства. Надеюсь, каждый из вас будет свято беречь свою честь, блюсти чистоту помыслов и не запятнает свое имя на жизненном пути.

Студенты поспешно ответили поклоном. Один лишь Сяодун слушал так заворуженно, словно перед ним выступал лучший столичный сказитель. Едва Цзиньюй замолчал, он восторженно захлопал в ладоши и уже открыл было рот, чтобы зычно крикнуть: «Браво!», как вовремя спохватился. Поняв, где находится, он судорожно глотнул ртом воздух и поспешно подавил рвавшийся наружу возглас.

Гэ Дунчэнь тихонько прыснул. Су Минья негромко закашлялся в кулак, но тут же мягко зааплодировал. Его жест подхватил весь класс, и дружный гул рукоплесканий надежно скрыл неловкую оплошность Сяодуна.

Сяодун просиял и со спокойной душой продолжил хлопать. Сквозняк, ворвавшийся через открытую заднюю дверь, зашелестел страницами его тетради. На полях, прямо под торопливыми записями о делах в Цанчжоу, красовалась размашистая надпись, сделанная под влиянием чувств:

«Тринадцатый год эры Небесного Предначертания, пятый месяц лета. Слушал Цзиньюя и

думал: Гу Сэньцин поистине подобен дремучему, неведомому лесу. Он холоден и остер, как стальной клинок. Мы рождены с ним в один день, один месяц и один год, но между нами — целая пропасть».

Правда, строчка про «рождены в один день» была нещадно зачеркнута жирной линией чернил.

Стоило наставнику объявить о завершении утренних занятий, как толпа учеников окружила Гу Цзиньюя плотным кольцом. Сяодун, рассудив, что его присутствие будет лишь мешать важным разговорам, незаметно выскользнул через заднюю дверь.

Конечно, была и другая, куда более веская причина: его желудок уже выводил голодные рулады. Брат братом, с ним он еще успеет наговориться, а вот обед откладывать никак нельзя.

Поясная подвеска смирения заливалась неистовым звоном при каждом его поспешном шаге. Раздраженный этим шумом, Сяодун перешел на шаг и попытался развязать шнурок. Увы, узел, затянутый искусной рукой Фэньэня, оказался не проще легендарного гордиева узла. Поняв, что развязать его не удастся, юноша ухватил нефритовые пластинки ладонью и заковылял дальше, нелепо выбрасывая ноги вперед.

Не успел он пройти и нескольких десятков шагов, как до слуха донесся тихий, приглушенный кашель. Сяодун мгновенно наострил уши и обернулся. Под шелковым зонтом неторопливо шел Су Минья.

Всякий раз, появляясь на людях, этот человек казался сошедшим с древнего свитка небожителем, не имеющим ничего общего с бренной землей.

Вся академия сейчас суежилась вокруг Цзиньюя, так что на аллеях не было ни души. Су Минья шел в полном одиночестве, слегка ссутулившись от набегающих приступов кашля. Глядя на его хрупкую, болезненную фигуру, Сяодун всерьез испугался, что жаркое майское солнце растопит этого эфемерного юношу без следа, и тот улетит обратно в свои заоблачные выси.

Забыв про урчащий желудок, Сяодун робко шагнул навстречу, боясь ненароком спугнуть это хрупкое создание:

— Молодой господин Су, — позвал он вполголоса.

Минья, прикрывавший рот тонкой ладонью, поднял голову. Лицо его было бледным, болезненным, но глаза от кашля слегка покраснели по краям, точно тронутые изысканными румянами. Это придавало его лицу удивительную, утонченную красоту.

Заметив, что сопровождавший его слуга лишь безвольно держит зонт, Сяодун поспешил на

помощь:

— Вам нехорошо? Позвольте, я разомну вам особые точки на спине? Сразу дышать станет легче, и кашель отступит.

Минья опустил взгляд на протянутую ладонь. Хотя аллея казалась безлюдной, они все еще находились на территории академии. Одно дело — вести доверительные беседы за закрытыми дверями его бамбукового двора, и совсем другое — выказывать дружеское расположение прилюдно.

Однако сегодняшнее неожиданное появление Гу Цзиньюя и его странное поведение заставили Су Минью изменить свое решение.

— Буду весьма признателен, Сяодун, — мягко улыбнулся он.

— Пустяки, вовсе не трудно, — Сяодун бережно поддержал его под локоть, а свободной рукой принялся осторожно прощупывать точки у него на лопатках. — Это я навязался со своей помощью. На улице такое пекло, вот я и решил укрыться под вашим зонтом.

Минья посмотрел на него сверху вниз. Зонт был слишком узким, и яркие лучи солнца делили лицо Сяодуна ровно пополам. Но глупый мальчишка лишь беззаботно улыбался, даже не замечая, как припекает одну его щеку. В его глазах светилась та искренняя, ничем не омраченная радость, которую он позволял себе выказывать только здесь.

В этот момент тишину нарушил оглушительный голодный стон, раздавшийся из недр живота Сяодуна. Минья не сдержал тихой усмешки. Из-за плеча смутившегося паренька он заметил вдалеке фигуру в темно-алом одеянии. Хотя расстояние было приличным, Су Минья кожей чувствовал пристальный взгляд Гу Цзиньюя, устремленный на этого покрасневшего от неловкости простака.

Дыхание Миньи наконец выровнялось. Он склонился к самому уху Сяодуна и зашептал:

— Спасибо, мне гораздо лучше. Раз уж ты так проголодался, давай пообедаем у меня? Мой бамбуковый приют совсем рядом.

Глаза Сяодуна радостно вспыхнули. Он даже не пытался скрыть восторга:

— С удовольствием!

— Тогда идем?

— Идем!

Сяодун напрочь забыл о своей поясной подвеске смирения. Пусть звенит сколько угодно, пусть голодный желудок сводит судорогой — сейчас имело значение лишь то, что он весело шагает бок о бок с Су Миньей.

В другом конце аллеи Цзиньюй провожал их взглядом, слегка прищурив глаза. Когда скрылся последний лоскут одежды Сяодуна, он повернулся к стоящим рядом приятелям:

— И давно они так близки?

Гэ Дунчэнь безмятежно усмехнулся:

— Откуда мне знать? Во всей академии я, пожалуй, единственный, кого твой кузен за версту обходит. Я о нем слухом не слыхивал и ближе чем на три шага никогда не приближался.

Стоявший подле них Гуань Юньцзи мысленно разразился яростной бранью:

«На три шага?! Да ты вчера едва ли не по локоть к нему в рот залезть готов был, ублюдок!»

<http://bllate.org/book/20609/2162143>